

КОННОТАТИВНЫЙ МОДУС СЕМИОТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Бедяев Александр Иванович, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: sascha.bolgow2012@yandex.ru

Рассмотрены проблема и перспективы использования семиотического метода в исследовании политических явлений и процессов и степень разработанности данного метода для исследований политического характера. Разделены понятия «реальность» и «действительность», где реальность – объективно существующий мир явлений, а последнее – осмысленная реальность. Продемонстрированы возможности применения семиотического подхода к исследованию генетических оснований политического дискурса, применению полученных результатов в дальнейших исследованиях. Особенности изучения политического дискурса представлены в множественности смыслового прочтения, а также в намеренном усложнении уровней интерпретации политических явлений и высокой темпоральной интенсивности перекодировки семиотических текстов. Создание подобного рода уровней скрывает исходный семиотический текст или же затушёвывает его и представляет наиболее адекватные варианты его толкования как одни из точек зрения, где все позиции имеют одинаковую ценность и одинаковое право на существование. Данная процедура позволяет говорить о создании не просто отдельных вариантов репрезентации, но более того – создание своего рода семиотических «миров» деонтического характера, обладающих высокой степенью релевантности.

Ключевые слова: политический дискурс, коннотация, семиотика, семиотический метод, семиотический текст, референциальное высказывание, денотат, семантический уровень, перформатив, деонтическая модель

CONNOTATIVE MODUS OF SEMIOTICS IN POLITICAL DISCOURSE

Bedaev Aleksandr I., Ph.D. (History), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St, Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: sascha.bolgow2012@yandex.ru

The article considers the issue and prospects of usage of the semiotic method in studying political phenomena and processes, and how well this method is developed in the purpose of studying political character. The researcher distinguishes the notions of “reality, which is understood as an entitative world of phenomena, and “actuality”, which is a comprehended reality. The article presents the possibilities to use semiotic approach to both studying genetic bases of the political discourse, and application of the results in further research. In the author’s view the peculiar features of studying political discourse are the following: variety of ways to understand the sense, purposeful complication of the levels of interpreting political events, as well as high temporal intensity of semiotic texts recoding. Creation of such levels conceals the initial semiotic text or obscures it and presents its more adequate interpretations as viewpoints, where all the positions are equally valuable and equally eligible. This procedure helps to reveal not just separate variants of representation, but even creation of a kind of semiotic “worlds” of a deontic character, which are of high relevance.

Keywords: political discourse, connotation, semiotics, semiotic method, semiotic text, referential statement, denotatum, semantic level, performative, deontic model

Политический дискурс имеет совершенно особые отличительные черты по сравнению с другими видами дискурса – исторического, культурологического и др. Однако по ряду позиций, вероятно, можно найти некоторые совпадения. Так, например, язык и текст как категории, обладающие в семиотике всеобъемлющим характером, в силу этой своей универсальности могут быть использованы в совершенно разных по своему дисциплинарному значению научных изысканиях. В настоящее время рядом исследователей поднимается вопрос о создании единого методологического инструментария для всех социально-гуманитарных наук [9]. Эта мысль высказывалась уже Ч. Лемертом, Ч. Моррисом и Ч. Пирсом [8]. В связи с этим в семиотике выделяется целый ряд более частных, если можно так выразиться, авторских семиотик. Впрочем, как признают современные отечественные учёные (М. В. Ильин, И. В. Фомин) [8; 9], предлагаемые в их рамках уровни семиотического анализа знаковых систем вполне сопоста-

вимы и потому могут быть использованы параллельно друг другу. Между тем, те же учёные признают, что создание такого рода инструментария всё-таки дело будущего. Таким образом, по-видимому, пока трудно говорить о серьёзном продвижении в области создания соответствующих методик даже в одной политической области, не говоря уже обо всей совокупности политических наук. Хотя к безусловным успехам можно отнести разработку таких семиотических техник, как контент-анализ, концепт-анализ, различные варианты дискурс-анализа и ряда других, в целом «существующие в политической науке семиотические исследовательские техники сегодня представлены скорее как россыпь отдельных приёмов. Они разбросаны по различным субдисциплинам, школам, направлениям и исследовательским традициям и редко рассматриваются как единое целое», – замечают И. В. Фомин и М. В. Ильин [9, с. 18]. Поэтому вопрос использования семиотического метода в контексте политического дискурса представляется нам достаточно актуальным. В настоящем исследовании мы постараемся рассмотреть некоторые особенности политического дискурса как объекта семиотического анализа.

Политическая наука располагает методами количественного и качественного анализа. Определение оснований количественных методов не вызывает каких-либо затруднений: совершенно очевидно, что в этом качестве выступает аппарат математики. Иное дело обстоит с качественными методами. Конечно, можно было бы умозрительно исключить из числа количественных методов всё остальное и отнести к качественным методам. Однако данная мыслительная операция вряд ли сможет дать нам отчётливое представление о самых основах качественного анализа, тем более что, как показывает практика политических исследований, возможно сочетание в рамках одного метода математической и качественной составляющих [9]. Вместе с тем, должны признать, что иного, более удовлетворительного подхода к определению качественных, в том числе и смешанных, методов нет. Одновременно необходимо учесть, что отсутствие одной исследовательской парадигмы в политических науках предполагает различные соотношения в рамках конкретного подхода объёма математической составляющей, а также особенности интерпретации количественных данных, а потому имеет смысл говорить об отдельных, отличающихся друг от друга исследовательских методах. Одну из групп таких методов можно назвать группой семиотических методов. Выделение данной группы, безусловно, имеет положительное дифференцирующее значение.

Между тем, сложившаяся ситуация вокруг семиотики демонстрирует поразительную разбросанность семиотических приёмов в рамках отдельных научных дисциплин, что не позволяет говорить о едином семиотическом методе, универсальном для всех наук. В смысле разработанности семиотических приёмов больше всего повезло языкознанию и культурологии, однако и политические науки не оказались обойдёнными вниманием исследователей-семиологов. В настоящее время в нашей стране ведущая роль фронтальных исследований в области семиотического анализа политических явлений и процессов принадлежит Центру перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН. Как отмечает М. В. Ильин, первоначальные построения Ч. Пирса, В. Уэлби и Ф. де Соссюра к настоящему времени многократно обогатились [3]. Семиотика, несмотря на трудности в исследовательском плане оказывается тем же инструментарием, который выполняет математика в естественных науках. Вместе с тем, накопленный теоретический материал заставляет исследователей вернуться к идее Ч. Морриса о «чистой семиотике» как о «трансдисциплинарном интеграторе» [3, с. 44] социально-гуманитарных наук в их комплексной целостности. При этом политология также включается в этот комплекс наук.

С позиции семиотического анализа область политического условно разделяется на политическую реальность и политическую действительность [2; 3]. В таком разделении политической области политическая действительность оказывается не объективно существующей реальностью, что, впрочем, довольно неоднозначно для понимания, так как полного исключения человеческого разума и его установок, ценностей и других своего рода фильтров окружающей действительности провести вряд ли возможно, а всего лишь нашим представлением о политических процессах и явлениях. Таким образом, исследователь всегда оказывается перед постоянно ускользающими смыслами политического. Эти смыслы меняются в зависимости от того угла зрения, под которым изучается проблема. Так, события в Украине в настоящее время могут порождать картины необъявленной войны между Украиной и Россией

(украинская позиция), либо войны за право самоопределения людей, живущих в Донецкой и Луганской самопровозглашённых республиках (российская позиция). В то же время возможно конструирование и иных смыслов сложившейся ситуации, например признание факта необъявленной войны, но с положительной коннотацией (как признание правомерности защиты российских национальных интересов). Возможна и параллельная последней отрицательная коннотация (как признание амбиций российского политического руководства причиной возникновения и эскалации развернувшейся в Украине вооружённой борьбы). Очевидно, возможны и другие интерпретации событий в Украине. Таким образом, действительность, с которой приходится иметь дело политологу, оказывается не просто меняющейся во времени, как в случае оценки роли красного и белого движений в гражданской войне в России с позиций советских и современных российских историков или оценки движения бандеровцев в Великой Отечественной войне, но и в одном временном континууме, кроме того, вообще не имеющей единого смысла. Этот смысл, а точнее сказать, смыслы нивелируются в ходе соприкосновения с иными картинками видения политических явлений и процессов (мирами, как их обозначают Ю. М. Лотман и С. Т. Золян) [1; 5]. Поэтому восприятие изучаемой области может быть только дискурсивным. При этом речь здесь идёт не о банальной интерпретации, которая естественна для общественных наук в целом. Речь здесь идёт о конструируемой таким образом реальности, на основе которой создаются правовые акты и с позиций которой ведутся дипломатические переговоры. Эта сконструированная реальность определяется в семиотике как действительность и в строгом смысле может не совпадать с объективной реальностью, границы которой размываются иными коннотативными интенциями. Так, в случае с инцидентом в Керченском проливе в ноябре 2018 г. российской стороной было сделано заявление о «незаконном пересечении границы РФ» и возбуждено уголовное дело по соответствующей статье [7], на что А. Меркель и Э. Макрон сделали совместное заявление о «незаконно задержанных» украинских моряках [6]. Эта словесная эквилибристика демонстрирует взгляды из разных семиотических миров, поэтому разрешение данного спора возможно лишь на основе конвенционализма политической семантики. Как видим, политический дискурс ставит проблемы языкового обозначения на первое место. Впрочем, невербальные тексты (в семиотическом значении категории «текст») также не могут игнорироваться в исследовании. Особенностью языковых структур в политическом исследовании является их релевантность. Так, создание образа России как страны-агрессора находит своё продолжение как в поддержании этого образа в СМИ (например, «перехваты» российских самолётов и т. д.), так и в принятии политических решений в рамках международных организаций, по существу, навязывающих российской стороне свой семантический текст (например, решение об экономических санкциях из-за вопроса по присоединению Крыма, их ужесточение из-за сбитого в июле 2014 г. малазийского «Боинга» или отравления в марте 2018 г. в Солсбери Скрипалей). Таким образом, языковые конструируемые политического характера не только обладают коннотативной дескриптивностью, но и конкретной политической силой, находящей выражение в трансформирующей роли семиотических текстов политического дискурса.

При всём многообразии научных позиций в современных лингвистических теориях дискурса преобладает точка зрения, определяющая дискурс как некую промежуточную область между языком и речью. Это вызывает соблазн представления дискурса в качестве самостоятельного лингвистического объекта. Между тем, вероятно, правильным будет согласиться с С. Т. Золяном, усматривающим в нём «...не отличный от языка объект, а определённый ракурс его описания, при котором фиксируются не-универсальные (или партиальные, или факкультативные) и контекстно обусловленные зависимости, а язык предстаёт как упорядоченное множество – но не самих элементов, а контекстно зависимых необлигаторных моделей их использования» [1, с. 50]. Таким образом, политический дискурс можно рассматривать как особое использование языка в политических целях. На семантическом уровне это выражается в очевидном несовпадении реальности и действительности, а в референтном высказывании – отсутствии критерия истинности. Главным критерием здесь становится успешность высказывания, создающая перформат как некую самостоятельную реальность. Например, принесение клятвы во время инаугурации президента есть не просто речевой акт, который призван описать некое политическое действие, но само является действием политического

характера. Это своего рода ритуал или процедура, в результате прохождения которой главный участник приобретает новые свойства. Как в ритуале проходивший его приобретал некие права – на владение оружием, право вступать в брак и др., так и после проведения данной политической процедуры вновь избранный президент приобретает права политического свойства – права главы государства. Как признаются сами исследователи, «соотнесённость и неразделимость слова и социального поведения обнажает генетические корни политического действия – это обряд, миф, ритуал» [1, с. 51]. Соответственно, механизмы восприятия реальности как действительности в политическом дискурсе те же, что и в его генетических основаниях. Поэтому создание политических мифов есть не проявление какой-то безнравственности политиков, а необходимый элемент политической жизни, отражающий желаемое в реальной жизни, или же демонстрирующий это желаемое. Например, Конституция Российской Федерации провозглашает Россию социальным государством (ст. 7 Конституции РФ) [4]. Одним из признаков социального государства является достойный человека прожиточный минимум, а в России его, к сожалению, нет, и картина, которую в данном случае рисует Конституция РФ, выглядит мифической или ложной, что для обывателя является синонимами. Вместе с тем, создание этого мифа может иметь вполне релевантное значение, так как фундирует необходимость построения такого рода государственной модели, которую можно было бы признать социально ориентированной. Это заявление «на вырост» может сопровождаться специальным пояснением (в России – Концепция социальной политики), что государство видит в качестве своих социальных обязанностей. Таким образом, в зависимости от финансовых возможностей государства формируется тот или иной тип модели социального сотрудничества власти и общества. Конституирующим началом здесь оказывается наличие некой позитивной цели в перспективном развитии. Стагнирующим началом в этом плане может выступать миф, представляемый властью как реальность, не требующая никаких изменений. Соответственно, предпринимаемые властью шаги в дальнейшем отталкиваются от сделанных ранее заявлений. Так, повышение МРОТ с 1 января 2019 г. вполне можно рассматривать как очевидный шаг, направленный на улучшение качества жизни россиян. Принципиально важным здесь оказываются следующие моменты: обезличенное выражение этого «улучшения», выраженное в процентах; точка отсчёта повышения МРОТ; исключение посторонних факторов, влияющих на репрезентативность МРОТ, таких как инфляция, налогообложение минимальных зарплат и т.д. С учётом соблюдения данных условий власть вполне может вербализовать осуществлённые действия как отражающие реальную динамику повышения качества жизни населения. Таким образом, в политическом дискурсе создаваемый образ реальности сам становится на её место. Как замечает С. Т. Золян, «особенностью ПД (политического дискурса – А. Б.) является не ложь (несоответствие действительности), а множественная референция, одновременная интерпретация высказывания как минимум в двух мирах» [1, с. 67]. Из приведённых примеров видно, что полностью исключить референциальные высказывания политического дискурса из числа истинных не существует возможности, так как существование любого институционального объекта не может находиться вне знаковой системы. В то же время сама знаковая система (например, Конституция РФ или Федеральный закон о повышении МРОТ) провозглашает или подтверждает социальный характер государства, повышение уровня жизни, что и становится частью политической действительности.

Между тем, изучение денотативных отношений знаковых систем встречает ещё одну существенную трудность. Она коренится в многочисленных интерпретациях референтных высказываний и других тому подобных знаковых систем. Это означает, что вместо определения истинности или ложности высказывания предлагается двойная референция об объекте. Описываемое событие словно выпадает из поля зрения референта, а на его место заступают коннотативные значения. Однако смешивать данную двусмысленность или «многосмысленность» с обыкновенной ложью, по-видимому, не стоит, так как коннотативность не отменяет действительность полностью, а лишь маскирует её среди иных точек зрения. Именно поэтому в политическом дискурсе не только могут (в теоретическом плане), но и обязаны (в прикладном плане) присутствовать совершенно противоположные точки зрения. Система усложняется, когда на исходный уровень референции накладываются другие уровни со своими обобщениями и выводами. В этом случае само первичное высказывание или иного рода денотат оказывается чем-то малоощутимым, можно сказать, условным.

Как видно из всего вышеизложенного, для политического дискурса характерны особые черты, отличающие его от других видов дискурса. К числу таких особенностей можно отнести промежуточность референтных высказываний между полюсами дескриптивного и прескриптивного, или дескриптивного и критического [10] вариантов прочтения, что порождает некоторую оторванность репрезентируемого объекта от денотативного основания и задаёт коннотативный характер описания области политического. Создаваемый таким образом политический дискурс стремится к новым прочтениям семиотического текста, что создаёт всё новые уровни репрезентации. Возникающая условность обозначаемой реальности не подчиняется обычной редукции на ложность / истинность, так как сама коннотативность политического дискурса не отрицает денотативного уровня прочтения. Вместе с тем, использование административного и информационного, а в случае необходимости – и силового ресурсов позволяет власти создать деонтическую модель восприятия политической реальности, когда желаемое выдаётся за реально существующее и становится уже неким образом осмысленной, своеобразной реальностью, т. е. действительностью [2]. Из этого вытекает вывод о такого рода релевантности политического дискурса, которая может быть отнесена к релевантности перформативного характера. Если взять сферу культуры или религии, то нечто схожее можно увидеть и здесь. Однако особенностью именно политического дискурса является в первую очередь темпоральная интенсивность формирования его элементов. В политическом дискурсе создание нового коннотативного смысла может быть введено в оборот в предельно сжатые сроки. Многочисленные передачи политического содержания, транслируемые по телевидению, ориентированные «на злобу дня», по-сути, демонстрируют эту особенность политического дискурса. Для сравнения: для того, чтобы жители Древней Руси восприняли образ князя Владимира Красное Солнышко как образ святого, потребовалось не менее двух веков, а написанное Анастасией Дмитрук в марте 2014 г. стихотворение «Никогда мы не будем братьями» применительно к отношениям русского и украинского народов, отмечая при этом саму историческую память двух народов, стало популярным с самого момента его опубликования. При этом созданная таким образом деонтическая модель может быть в кратчайшее время переформатирована. Так, прошло не более года с момента гибели российского самолёта Су-24 в ноябре 2015 г. В Латакии, как предпринятые российской стороной против Турции меры были отменены, и о военном инциденте вскоре было забыто. Также и воинственная риторика ноября 2015 г. уже не использовалась турецкой стороной после нового инцидента – 9 февраля 2017 г., когда, как было заявлено российской стороной, в результате авиаудара российскими ВКС «по ошибке» погибли трое военнослужащих Турции [11]. Создаваемые новые уровни референции оттесняют на задний план их исходный уровень, что в теоретическом плане затрудняет возможности исследования, а в плане практического применения полученных таким образом смысловых конструкций позволяет политикам обращаться к тем интерпретациям семиотических текстов политического характера, которые им удобны в текущий момент.

Вместе с тем, политическая реальность может быть изучаема с помощью семиотических текстов, взятых из других областей человеческой деятельности – религии, искусства и т. д., что позволяет обнаружить некие модусы частной атрибутивности в отношении генезиса тех или иных элементов политической реальности.

Список литературы

1. Золян, С. Т. Семиотика и прагмасемантика политического дискурса / С. Т. Золян // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 47–76.
2. Ильин, М. В. Политический дискурс как предмет анализа / М. В. Ильин // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 5–21.
3. Ильин, М. В. Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа / М. В. Ильин // Дискурс-Пи. – 2015. – № 1 (18). – С. 43–47.
4. Конституция РФ. – Режим доступа: https://kodecs-rf.ru/konstituciya_rf/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 8.01.2019).
5. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010. – С. 150–390.

6. Меркель и Макрон потребовали немедленно освободить украинских моряков // Военное обозрение. – 28 декабря 2018. – Режим доступа: <https://topwar.ru/151942-merkel-i-makron-potrebovali-nemedlenno-osvobodit-ukrainskih-morjakov.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 8.01.2019).
7. Спикер Госсовета Крыма: Керченский пролив открыт для всех, кто соблюдает закон и правила // ТАСС. 26 декабря 2019 г. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/5954544>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 8.01.2019).
8. Фомин, И. В. Зачем семиотика политологам / И. В. Фомин, М. В. Ильин // Политическая наука. – 2016. – № 3. – С. 12–29.
9. Фомин, И. В. Политические исследования в трансдисциплинарной перспективе: возможности семиотического инструментария / И. В. Фомин // Политическая наука. – 2015. – № 2. – С. 8–25.
10. Фомин И. В. Элементы семиотического органа для обществоведения: анализ повествования / И. В. Фомин // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / ред. кол.: М. В. Ильин (гл. ред.) [и др.]. – Москва, 2014. – С. 143–159.
11. Чулковская, Е. Новый нож в спину. Почему удар по турецким военным не приведет к кризису / Е. Чулковская // Московский центр Карнеги. – 10.02.2017. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/67967>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 8.01.2019).

References

1. Zolyan S. T. Semiotika i pragmasemantika politicheskogo diskursa [Semiotics and pragmasemantics of political discourse]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2016, no. 3, pp. 47–76.
2. Ilyin M. V. Politicheskij diskurs kak predmet analiza [Political discourse as a subject matter of analysis]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2002, no. 3, pp. 5–21.
3. Ilyin M. V. Semiotika kak osnova izucheniya yazyka politiki i razvitiya diskurs-analiza [Semiotics as the basis for studying the politics language and developing discourse-analysis]. *Diskurs-Pi*, 2015, no. 1 (18), pp. 43–47.
4. *Konstitutsiya RF* [The RF Constitution]. Available at: https://kodecs-rf.ru/konstituciya_rf/ (Accessed: 8.01.2019).
5. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov [Inside cogitative worlds]. *Semiosfera. Kultura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Statyi. Issledovaniya. Zametki* (1968–1992) [Semiosphere. Culture and explosion. Inside cogitative worlds. Articles. Research. Notes (1968–1992)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2010, pp. 150–390.
6. Merkel i Makron potrebovali nemedlenno osvobodit ukrainskikh moryakov [Merkel and Macron claimed to immediately release Ukrainian seamen]. Available at: <https://topwar.ru/151942-merkel-i-makron-potrebovali-nemedlenno-osvobodit-ukrainskih-morjakov.html> (Accessed: 08.01.2019).
7. *Spiker Gossoveta Kryma: Kerchenskiy proliv otkryt dlya vsekh, kto soblyudaet zakon i pravila* [Speaker of the Crimea State Council: Kerch Strait is open for everyone who observes the law and rules]. Available at: <https://tass.ru/politika/5954544> (Accessed: 08.01.2019).
8. Fomin I. V., Ilyin M. V. *Zachem semiotika politologam* [Why do political analysts need semiotics]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2016, no. 3, pp. 12–29.
9. Fomin I. V. *Politicheskie issledovaniya v transdistsiplinarnoy perspektive: vozmozhnosti semioticheskogo instrumentariya* [Political research in transdisciplinary perspective: possibilities of semiotic instrumentation]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2015, no. 2, pp. 8–25.
10. Fomin I. V. *Elementy semioticheskogo organona dlya obshchestvovedeniya: analiz povestvovaniya* [Elements of semiotic organon for Social Science]. *METOD: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow annual of works of Social Science disciplines]. Ed. by M. V. Ilyin et al. Moscow, 2014, pp. 143–159.
11. Chulkovskaya E. *Novyy nozh v spinu. Pochemu udar po turetskim voennym ne privedet k krizisu* [Another stab in the back. Why the strike against Turkish militants will cause no crisis]. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/67967> (Accessed: 08.01.2019).